

ПРОБЛЕМЫ ОСНОВАНИЙ И ДЕТЕРМИНАНТ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ (Социально-философский анализ)

Гендерная стратификация социума есть факт, и как таковой он требует своей интерпретации. В состав такой интерпретации должно входить, как минимум, выяснение оснований (как объективных, так и субъективных), истоков, причин, главных движущих сил и исторических форм данной стратификации. В задачу настоящей статьи не входит анализ всего перечисленного. В ней уделено внимание лишь общей характеристике ряда оснований и факторов, или детерминантов, гендерной стратификации.

Очевидно, что все эти основания и детерминанты можно подразделить на три класса. В первый следует отнести те, которые обусловлены самой спецификой мужчины и женщины как представителей рода «человек». Они являются всеисторическими основаниями и в качестве таковых выступают действительными детерминантами гендерной стратификации. Ко второму классу следует отнести такие основания и детерминанты гендерной стратификации общества как целого, которые являются по своей сущности культурно-историческими. Это, следовательно, такие, само существование которых обусловлено культурно-исторически: в одни культурные эпохи они имеют место, а в другие – нет. Или же они существуют на протяжении ряда эпох, но при этом модифицируются в каждую из них. Нако-

нец, к третьему классу относятся основания и детерминанты, имеющие этнокультурное происхождение и существование и, следовательно, этнокультурный характер.

Порядок данной классификации и должен стать порядком, в котором должны анализироваться основания и детерминанты гендерной стратификации социума. Следовательно, начать необходимо с тех, которые обусловлены природой мужчины и женщины и потому остаются и сохраняются на протяжении всей человеческой истории.

Но сначала следует высказать несколько соотношений относительно соотношения *пола* и *гендера*. Понятие гендера, уходящее корнями в феминистские исследования, получило право гражданства в социологической, культурологической, философской литературе. Оно было введено для различия биологического и социального пола человека. Однако до сих пор не выработано общепринятого понимания сущности пола и гендера и их соотношений [1].

Широко распространено определение гендера как *социального конструкта*. Например, Гейл Рубин пишет: «Гендер – разделение по половому признаку, обусловленное социально. Это продукт социальных отношений в области секуальности. Системы родства основываются на

браке. Тем самым они превращают "самцов" и "самок" в "мужчин" и "женщин", каждый из которых неполон без своей "половинки". Мужчины и женщины, безусловно, различны. Но не настолько, как день и ночь, небо и земля, инь и ян, жизнь и смерть» [2]. На это можно ответить следующее. Во-первых, самцы и самки также являются «половинками» своего вида, во-вторых, приведённые Г. Рубин противоположности не являются равнозначными. День и ночь, небо и земля, жизнь и смерть суть *контрарные* и дуально соотносящиеся противоположности, тогда как инь и ян – противоположности «не дуалистические, а неслияно-нераздельные» [3]. Поэтому противоположность мужчины и женщины как на уровне биологического пола, так и на уровне пола социального (гендер) является противоположностью типа соотношения инь и ян.

На первый взгляд, с понятием «гендер» всё обстоит благополучно. Человеку на уровне его анатомии и физиологии присущ половой диморфизм. Он появляется на свет как существо вполне биологическое, обладающее (за исключением редких аномалий) конкретной половой определённостью, то есть либо как мальчик, либо как девочка. Это – его природный, биологический пол (по-латыни – *sexus*; *sex* – по-английски). В процессе всежизненной социализации человек обретает социальный пол – *gender*. Он начинает вести себя и действовать соответственно своему социальному полу с самого раннего детства, т. е. задолго до того, как его биологический пол сколько-нибудь станет для него актуальным. К этому следует добавить, что уже родившийся ребёнок, поскольку он рождается не среди дикой природы, а в контексте культуры, уже включается в систему гендерных координат, в соответствии с которыми к нему и относятся взрослые. А поскольку биологический пол у всех людей, во все времена и у всех народов один и тот же, а социальный пол обладает культурно-историческими характеристиками, нередко несопоставимыми в разных культурах или в разные эпохи, постольку и напрашивается, казалось бы логически обоснованный вывод о том, что гендер – есть нечто искусственное, нечто, что надстраивается над биологическим полом и подчиняет его своему диктату. Другими словами, как некий *конструкт*.

Однако эта, казалось бы, стройная, логика рассуждений имеет существенный изъян. И этот изъян содергится не в самой формальной цепочке заключений, а значительно глубже – в мировоззренческих основаниях этих рассуждений. Речь идёт ни больше, ни меньше, как об истолковании соотношения природного и культурного в человеке. В основе этих рассуждений лежит понимание культуры как «второй природы», которая – в отличие от «первой», то есть собственно природы – сплошь искусства (в данное толкование может быть вложен как положительный, так и отрицательный смысл), то есть как такого рода действительность, которая либо плохо укоренена в онтологических измерениях действительности, либо не укоренена вовсе и, следовательно, представляет собой нечто противо-природное. Именно этот природно-культурный дуализм и даже природно-культурный параллелизм и является тем мировоззренческим основанием, на котором базируется понимание гендера как особого социального конструкта. Он рассматривается и расценивается как искусственный нарост над естественной половой определённостью человека. И этот искусственный конструкт является – в глазах феминизма прежде всего – основным средством сексизма, т.е. дискриминации мужчинами женщин (и как представительниц *социо-пола*, и как представительниц *биопола*).

В действительности дело обстоит иначе, причём принципиально. Как известно, выделывание некоего высокоорганизованного представителя животного царства в человека, а его среды – в мир социума и культуры происходили по мере радикальной трансформации способа существования, а именно по мере перехода от адаптивного к предметно-деятельностному отношению к действительности. А этот переход есть вместе с тем переход от животной формы сообщества особей к обществу, к общественным отношениям субъектов предметной деятельности: предметная деятельность в ходе своего становления и развития одновременно трансформировала генетически наследуемые связи особей внутри стада, шаг за шагом превращая последнее в человеческое общество. Разумеется, эта деятельность на первых стадиях была довольно примитивной и таким же было и человеческое обще-

ство и царство культуры, но по своей интенции и по вектору своего развития они с самого начала принципиально отличались от адаптивного и стадного существования и поведения животных.

В ходе развития и совершенствования форм предметной деятельности и её дифференциации развивались и совершенствовались социокультурные феномены. Человек постепенно, но неуклонно превращался из био-соци-ального существа в существо собственно социальное, то есть в человека, каков он по своей сущности. Происходило *окультуривание* всех основных витальных потребностей и способов их удовлетворения, а также основных сугубо витальных функций. Они не уничтожались, но снимались (в смысле категорий снятия) в социокультурной реальности. Кроме того, возникли и стали расширяенно развиваться, совершенствоваться и разнообразиться сугубо социальные потребности, интересы и функции. Следовательно, с одной стороны, имеются социокультурно модифицированные биологические потребности и функции, число которых, в принципе стабильно, а с другой стороны, – имеются сугубо социокультурные потребности, функции и т.д., число которых не только превосходит число первых, но и непрестанно множится и которые в ходе истории культуры изменяются, исчезают, замещаются другими и т. д. И – что главное – именно эти последние выступают определяющими относительно первых.

Всё это в полной мере относится и к половой определённости человека. Его биологический пол не устраивается в ходе антропо-социо-культурогенеза, но обретает культурную (и культурно-историческую) определённость. Это значит, что сугубо сексуальные отношения между мужчиной и женщиной, сохраняя свою биологическую основу, приобретают социокультурный статус и подчиняются законам и нормам социокультурной действительности. Другими словами, *био-пол* преобразуется *социо-полом* и становится *моментом* последнего. Таким образом, то, что именуют гендером, – если брать его в чистом виде, то есть безотносительно к этнокультурным культурно-историческим его характеристикам, – не является искусственным «конструктом», как не является таким конструктом человеческая сущность, которая определяется через социокультурную предметную деятельность. Следовательно, та гендерная *асимметрия*, в которой многие те-

оретики усматривают зло, искажение связей между мужчиной и женщиной, на деле есть абсолютно необходимый феномен [4]. В этой асимметрии нет никакого извращения. Оно возникает лишь в ходе истории. Но – и об этом забывают не только теоретики феминизма, но и теоретики умеренных гендерных исследований, – мужчина и женщина – люди, т.е. существа социокультурные. И как таковые они должны выполнять и выполняют ещё множество сугубо социокультурных функций *помимо* тех, которые связаны с их био-полом, хотя и окультуренным.

Итак, асимметрия существует уже на уровне био-пола, хотя, как отмечено, и окультуренного. Мужчина и женщина на этом уровне различаются анатомо-физиологически (генетическая бисексуальность человека, различия в устройстве репродуктивных органов и их функций, различия в гормональной системе, в физической силе и выносливости, различия в продолжительности жизни и состоянии здоровья и т.д.), а также психо-эмоционально. Говорят поэтому о *феминности* и *маскулинности* как определённых культурных универсалиях. На уровне социо-пола всё это сохраняется. Собственно говоря, всё это – атрибуты социо-пола. Но как люди мужчина и женщина *равны* по своей сущности. Та функциональная асимметрия, которая имеет место на уровне био-пола, на уровне социо-пола частично снимается, или, точнее, социокультурно опосредствуется. Деторождение и основная доля в уходе за ребёнком (речь идёт о периоде кормления грудью) принадлежит женщине. На этом уровне речь идёт о материнстве и отцовстве.

Однако социум не сводится к семье, какую бы форму она ни принимала. Поэтому в рамках социума как целого речь должна идти не только о гендерной *дифференциации*, но и о гендерной *стратификации*. Данная стратификация, конечно, является лишь одной из форм социальной стратификации (делению социума на большие и малые группы по различному основанию, на кланы, касты, сословия, классы и т.п.). Однако гендерная стратификация как бы пронизывает собою *все иные* стратификации социума. А теперь, после этих разъяснений перейдём к характеристике важнейших оснований и детерминант гендерной стратификации. Мы разделили их на три класса. К первому отнесли те, которые обусловлены самой спецификой мужчины и женщины и

потому являются всеисторическими. Это как раз те основания, в которых непосредственно сопряжены био-пол и социо-пол. Потому они и выступают действительными детерминантами гендерной стратификации социума. Они охватывают анатомо-физиологические и психо-эмоциональные особенности мужчины и женщины как представителей рода «человек». Собственно говоря, других оснований и других детерминант гендерной стратификации *не должно быть*. Не должно быть в нормальном обществе и в нормальной культуре. Среди них, помимо функций, связанных с деторождением и материнством, следует выделить эргономические аспекты гендерной стратификации. Речь идёт о том, что при распределении социально значимых форм деятельности должны учитываться указанные анатомо-физиологические и психо-эмоциональные особенности конституции мужчин и женщин. Могут существовать (и на деле существуют) такие виды деятельности, которые уместно выполнять либо только мужчинам, либо только женщинам. Этих видов деятельности, как правило, довольно немного, а потому во всём остальном должно иметь место равноправие.

Однако данное основание и исходящая от него детерминация гендерной стратификации социума, являясь идеальными, никогда не обнаруживали себя в полную силу на всём протяжении всемирной истории, за исключением того периода, который Л. Г. Морган и Ф. Энгельс именовали дикостью. Следовательно, вся последующая человеческая история, начиная с варварства (так, как известно, названные авторы называли вторую, следующую за дикостью, и в то же время последнюю ступень первобытного общества), является историей, в которой гендерная асимметрия, а тем самым – и гендерная стратификация существуют в *искажённой, превратной форме*. А значит, выделенные нами ещё два класса оснований гендерной стратификации обусловлены этими искажениями. Проследим, каким образом возникло искажение взаимоотношения мужчин и женщин в ходе истории.

Мы отметили, что человек появляется как существо, преодолевшее адаптивный способ существования. Однако человеческая предметная деятельность на ранних стадиях истории была довольно примитивной. Следовательно, были примитивными и орудия этой деятельности, и

собственно общественные отношения ещё не только не вытеснили, но и сколько-нибудь заметно не потеснили биологические связи, в том числе и связи между мужским и женским населением. Можно, на наш взгляд, утверждать, что гендерных отношений в том смысле, как они понимаются сегодня, в данный период истории, на данном этапе эволюции культуры попросту *ещё не существовало*. Различие между мужчиной и женщиной здесь было различием сугубо биологическим, анатомо-физиологическим, следовательно, функциональным.

Орудия были примитивными и ими в равной мере могли пользоваться как мужчины, так и женщины. В экономическом отношении человечество в данный период вело *присваивающее* хозяйство, т.е. занималось собирательством, примитивными охотой и рыболовством. В своё время бытовала концепция, согласно которой вначале существовал матриархат, а затем его сменил патриархат. В наше время она подвергается сомнению и считается, что предыдущие исследователи неправильно истолковали наличие у разных первобытных народов наличие разных принципов установления родства.

Однако так продолжалось довольно долго, но не на всём протяжении существования первобытного общества. На определённой стадии произошёл радикальный сдвиг, который получил название неолитической революции. Суть её прекрасно выразил известный философ А. С. Арсеньев. Он пишет: «За миллионы лет до этого периода наш предок прошёл путь от обезьяноподобного существа до похожего на нас кроманьонца, в то время как каменные орудия его почти не претерпели изменений. За последние десятки тысяч лет наблюдается обратная картина: бурная эволюция орудий и орудийной деятельности вплоть до современного машинного производства и очень незначительные изменения морфологии»[5]. Вследствие неолитической революции человечество также перешло от присваивающей к производящей экономике и перешло от бродячего на оседлый образ жизни.

Интенсивное совершенствование уже имеющихся и изготовление новых, всё более усложнённых орудий вело к появлению новых форм деятельности, новых потребностей, а это в свою очередь стимулировало расширение и усложнение орудийной сферы культуры. Оседлый образ

жизни во многом индивидуализирует первобытные общности, что детерминируется условиями существования. Нахождение первобытных общностей в разных природных условиях влечёт борьбу за лучшие условия. «Поэтому *война* есть один из самых первобытных видов труда каждой из этих естественно сложившихся общин как для удержания собственности, та и для приобретения ее» [6]. В этой связи встаёт задача совершенствования военного искусства и оружия. Равно встаёт и демографическая задача: если при бродячем образе жизни и присваивающей экономике численность людей в общности не была сколько-нибудь значимой проблемой, то теперь, при оседлом образе жизни и производящей экономике численность населения необходимо было регулировать.

Задача регулирования процесса деторождения ставила женщину в особое положение, которое определялось её анатомо-физиологической функцией деторождения. Данная функция приобретала социальную значимость и соответственно социокультурную оформленность. В этой связи внутри общности сначала происходит распределение социальных функций и видов деятельности. За женщиной закрепляются те виды предметной деятельности, которые не препятствуют её главной в этих условиях социальной функции – деторождения и первичного воспитания детей. За мужчиной закрепляются те виды деятельности, которые связаны с материальным трудом и войной. Происходит специализация по *био-полу*, которая в то же время оформляется и как специализация по *социо-полу*, который и возникает здесь как таковой. Но сущностного неравенства здесь *ещё* не существует. Таким образом, можно видеть, что исторически социо-пол (гендер) формируется не как некий «конструкт», как то утверждается многими специалистами в области гендерных исследований, а как конкретная социокультурная реальность.

Дальнейшее развитие и совершенствование орудийной и оружейной сферы и расширение видов деятельности, в которых женщина регулярно участвовать не может. «В этой ситуации, – отмечает А. А. Хамидов, – социумно значимыми и востребованными становились как раз те атрибуты и способности Человека, которые психо-соматически присущи *Мужчине*. Психо-соматические и физиологические особенности Жен-

чины теперь становятся социумно менее значимыми. Женщина постоянно выпадает из престижных видов производственной деятельности (она то беременна, то кормящая, то у неё регулы и т.д.). Это объективно выдвигает Мужчину на передний план Социума и влечёт *отодвигание* на задний план Женщины. Постепенно Мужчина занимает *доминирующее положение в Социуме*» [7].

Здесь формируются и упрочиваются те феномены, которые получили название патриархатности, маскулиноцентризма, сексизма (социальной дискриминации женщин по гендерному основанию). Так началась многотысячелетняя история превратных гендерных отношений между мужчинами и женщинами в эволюции культуры, история, продолжающаяся до сих пор. Следовательно, главными основаниями и детерминантами гендерной стратификации становятся те основания, которые порождены мужским доминированием в социуме и культуре вообще. Именно они заслуживают наименование «социальных конструктов», если сохранить данное понятие.

Эти основания и детерминанты, сохраняясь в своей качественной и сущностной определённости, тем не менее изменяются от эпохи к эпохе, приобретая культурно-исторический характер. Если брать западноевропейскую историю, то в ней чётко просматриваются две больших эпохи, выделенные К. Марксом: 1) эпоха господства отношений личной зависимости и 2) эпоха господства отношений вещной зависимости (выделенная Марксом третья эпоха, как известно пока не наступила и её наступление, судя по нынешней современности, проблематично [8]).

Эпоха отношений личной зависимости здесь охватывает Античность и Средневековье, а эпоха отношений вещной зависимости – Ренессанс, а также Новое и Новейшее время. К. Маркс, как известно, выделял ещё азиатский способ производства, который, несмотря на его специфику, подпадает под первый тип отношений, т.е. под отношения личной зависимости.

Все эти эпохи и их подразделения отличаются структурой социума, в частности соотношением индивида и социума, социальным статусом основных сфер культуры и т.д. Поэтому, несмотря на общее основание, например у Античности и у Средневековья (оба базируются на системе отношений личной зависимости) они, тем не ме-

нее, существенно отличаются друг от друга. В Античности, например, сфера секулярного более обширна, чем в условиях Средневековья, где религия и церковь возвышались не только над обществом, но и над государством. Естественно, что набор основных детерминант гендерной стратификации социума и их соотношение там и там совершенно различно. И, конечно же, иной их набор и иное их соотношение имеет место в обществе, базирующемся на системе отношений вещной зависимости. Здесь, как известно индивид не только дистанцируется по отношению к социуму, но и утверждается индивидуализм. Здесь поэтому гендерная дискриминация женщин со стороны мужчин и социума в целом, приобретает новые нюансы. В качестве третьего класса оснований и детерминант гендерной стратификации социума мы выделили основания и детерминанты, имеющие этнокультурное происхождение и существование и, следовательно, этнокультурный характер. Они формируются и функционируют в условиях относительной закрытости этносов и их культур, а потому и ограничены ими. Здесь формируются определённые гендерные стандарты поведения и гендерные стереотипы, которые регулируют гендерные взаимоотношения силой традиции, обычая, предания и т.д.

Содержательное раскрытие всего этого требует значительного расширения объёма статьи, что, конечно, невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. обзор некоторых трактовок в кн.: Введение в гендерные исследования. Учебное пособие для студентов вузов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2005. С. 9–15.
2. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола //Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 109.
3. Хамидов А. А. Философия Востока и философия Запада: к определению мировоззренческой валидности //Вопросы философии. 2002. № 3. С. 134.
4. «Можно поэтому, – отмечает А. А. Хамидов, – говорить и о гендерной асимметрии, причём положительном, а не только в отрицательном (как её толкуют феминисты и иже с ними) смысле» (Хамидов А. . Феномен обсценного. Статья вторая. Процесс конституирования оппозиции «пристойное – обсченное» //Тамыр. 2004. № 3. С. 49).
5. Арсеньев А. С. Экологическая проблема. Взгляд философа. (Окончание) //Известия АН Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1992. № 4. С. 6.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 480.
7. Хамидов А. Феномен обсценного. Статья вторая. Процесс конституирования оппозиции «пристойное – обсченное». С. 50.
8. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. С. 100 – 101.

Резюме

Бұл мақала гендерлік жіктеуге арналған. Мұнда гендерлік жіктеудің негізделмелері мен сипаттамаларына орын берілген.

Summary

That is article about the gender stratification. It have the general characteristic her foundations or factors and determinants.